

Л. Н. Толстой

Письма. (1887-1889)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. Н. Толстой

Письма. (1887-1889) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 414 с.

ISBN 978-5-4241-0744-3

ISBN 978-5-4241-0744-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Правительство отвечало на критику Толстого цензурными расправами над его произведениями. В 1886 г. Толстой писал Т. М. Бондареву: «Пока я... по шерсти гладил — все мои книжки хвалили и печатали, и царь читал, и хвалил; но как только я захотел... показывать людям, что они живут не по закону, так все на меня опрокинулись. Книжки мои не пропускают и жгут, и правительство считает меня врагом своим»¹. Однако ни цензурные запреты, ни разнузданная травля реакционной печати не смогли заглушить гневный голос Толстого-обличителя.

Тема обличения помещичье-буржуазного строя и его основы — частной собственности — находит широкое отражение в переписке Толстого восьмидесятых годов. «Собственность есть самый прочный и страшный соблазн, — писал Толстой В. И. Алексееву, — я постоянно о нем думаю и борюсь с его хитростями. Мне кажется, что против этого соблазна и всех бесконечных усложнений, связанных с ним, есть только одно средство: совершенное непризнание его в принципе»². Тогда же Толстой заявлял, что «отрицает то, что мешает жить, ... безобразие государственности, войн, судов, собственности»³.

Исключительный интерес представляют суждения Толстого о западноевропейской и американской «цивилизации». Критика этой «цивилизации» достигает в восьмидесятые и последующие годы жизни и творчества писателя сокрушительной силы. Толстой разоблачает эксплуататорскую сущность экономического и государственного буржуазного строя. Он вскрывает антинародный характер буржуазной науки и культуры, философии и морали, искусства и литературы. «Рабство, — пишет Толстой в трактате «Так что же нам делать?», — давно уже уничтожается. Оно уничтожилось и в Риме, и в Америке, и у нас, но уничтожились только слова, а не дело... Там же, где есть, как и во всех европейских обществах, люди, пользующиеся посредством насилия трудами тысяч людей... там есть рабство в страшных размерах»⁴. Толстой указывает, что в условиях капитализма «миллионы народа гибнут физически и нравственно в рабстве у фабрикантов»⁵. Бедственное положение трудящихся

---

¹ Т. 63, стр. 333.

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 95.

⁴ Т. 25, стр. 288—289.

⁵ Т. 26, стр. 561.

он объясняет самой природой капиталистического строя, паразитизмом эксплуататорских классов. «Ведь мы все знаем, — пишет он, — что о рабочем человеке если и думали... капиталисты..., то только в том смысле, как бы вытянуть из него последние жилы. И как мы видим,... и в Европе, и в Америке вполне достигли этого»¹. Трезво оценивая растущее обострение антагонистических отношений между господствующими классами и народными массами, Толстой пишет: «Рабочая революция... не только грозит нам, но мы на ней живем уже лет 30 и только пока, кое-как разными хитростями на время отстрочиваем ее взрыв»².

Отрицательное отношение к буржуазному Западу особенно ярко проявляется в письме Толстого к Ромэну Роллану (октябрь 1887 г.). Критикуя капиталистические порядки на Западе, Толстой говорит о тех мучениях, которые испытывают в этих странах трудящиеся, низведенные до положения рабов. Он требует привлечь к физическому труду тунеядцев-буржуа и помещиков. «Ручной труд в нашем развращенном обществе, — пишет Толстой, — ...является обязательным для нас единственно потому, что главный недостаток этого общества состоял и до сих пор состоит в освобождении себя от этого труда и в пользовании, без всякой взаимности, трудом бедных, невежественных, несчастных классов, являющихся рабами, подобными рабам древнего мира»³. Толстой утверждает нравственное правило: «требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше»⁴. И хотя это «правило» было в условиях буржуазного строя утопическим пожеланием, сам протест Толстого против изнурительного, подневольного труда свидетельствовал о его глубоком сочувствии народу, влачащему тяжелое бремя капиталистического гнета.

Существование капиталистического рабства всячески прикрывала и затушевывала буржуазная наука, изобретая различные «теории», оправдывавшие эксплуататорский строй. Толстой уличает эту науку в апологии капитализма и поддержке векового обмана народа. Он высмеивает ложь и фальшь либералов, которые «любят расчесывать свое сострадание к бедности и невежеству народа, продолжая жить на его шее и чуждаясь

---

¹ Т. 25, стр. 356.

² Там же, стр. 394.

³ Т. 64, стр. 92.

⁴ Там же.

его». Толстой с горечью пишет о «страшной дикости, в которой живет народ»¹. Он указывает на то, что бедственное положение народа не интересует буржуазных ученых и художников.

Резко осуждает Толстой «тех, которые защищают нелепый принцип науки для науки и искусства для искусства»². Он выступает против «царствующей, самой модной философии Шопенгауэра и Гартмана»³, утверждавших пессимизм и мракобесие. Кумира современных снобов и эстетов, Шопенгауэра, Толстой именует «талантливым пачкуном»⁴ и со всей резкостью осуждает его пессимизм: «Пессимизм, в особенности, например, Шопенгауэра, всегда казался мне не только софизмом, но глупостью, и вдобавок глупостью дурного тона... Мне всегда хочется сказать пессимисту: «если мир не по тебе, не щеголай своим неудовольствием, покинь его и не мешай другим»⁵. Говоря о философии Гегеля, о позитивизме Конта, «законе» Мальтуса, пессимизме Шопенгауэра, Толстой высмеивает буржуазных социологов и философов, которые точно так же, как богословы, талмудисты, «вывихивают себе мозги и становятся скопцами мысли. И точно так же, по мере оглупения, приобретают самоуверенность, лишаящую их уже навсегда возможности возврата... к простому, ясному и общечеловеческому мышлению»⁶.

В своем письме к Ромэну Роллану Толстой критикует ученых и художников, деятельность которых не приносит никакой пользы народу: «То, что они производят, не стоит того, что они потребляют»⁷. Обличая буржуазных ученых и художников, Толстой требует от людей науки и искусства «служить народу так, как они теперь ставят себе целью служить правительствам и капиталистам»⁸.

2

В публицистике, художественных произведениях и особенно в письмах восьмидесятых годов немалое место занимают и реакционные, религиозно-философские идеи и суждения Толстого, сви-

---

¹ Т. 64, стр. 322.

² Там же, стр. 94—95.

³ Т. 25, стр. 386.

⁴ Т. 64, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 231.

⁶ Т. 25, стр. 348.

⁷ Т. 64, стр. 94.

⁸ Т. 25, стр. 357.

детельствуя о глубокой противоречивости его взглядов, о его неумении найти подлинные средства борьбы с социальным злом.

«...Горячий протестант, страстный обличитель, великий критик, — писал о Толстом В. И. Ленин, — обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю»¹. Отвергая правительственные и полицейские репрессии, Толстой вместе с ними отрицает всякое «насилие» вообще — и революционную освободительную борьбу народа против самодержавия, хотя и допускает, что «нельзя насилем не разрушать существующий безобразный беспорядок, называемый порядком»². Он отвергает всякую общественную деятельность, если она противоречит христианскому учению. Выступая в защиту «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, он полемизирует с Белинским. Говоря о Гоголе, он восхищается «в высшей степени трогательным и значительным житием и поученьями подвижника нашего цеха, нашего русского Паскаля»³.

В ряде писем восьмидесятых годов Толстой настойчиво внушает своим корреспондентам непротивленческие идеи: «...никого не огорчить, не оскорбить, никому—палачу, ростовщику не сделать неприятного, а постараться полюбить их и заставить себя полюбить»⁴. В качестве универсального средства объединения и обновления человечества Толстой предлагает своим многочисленным корреспондентам «любовь к богу». Развивая эти свои мысли, он в письме О. Н. и Ф. Э. Спенглерам указывает на возможность борьбы со злом «любовью деятельною».⁵ Он рекомендует свои «рецепты» спасения человечества, не сознавая, что они являются бесплодной утопией в обществе, раздираемом классовыми противоречиями.

Крайне противоречивы взгляды Толстого и в вопросах семьи и брака. Разоблачая и осуждая распад семьи, «хо-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

² Т. 63, стр. 115.

³ Т. 64, стр. 107.

⁴ Т. 63, стр. 10.

⁵ Т. 64, стр. 7.

лодный расчет» как основу буржуазного брака, Толстой становится на ложный путь, когда утверждает, как «выход», аскетизм, безбрачие и целомудрие (письмо к А. Г. Холлистеру¹ и др.).

Слабые стороны мировоззрения Толстого проявились и в его отношении к земледельческим общинам и «обществам трезвости», которым он придавал большое значение в преобразовании жизни и поэтому оказывал горячую поддержку. Известно, что пропаганда толстовского учения в народе путем организации этих обществ, попытки «кающихся дворян» и интеллигентов личным примером доказать жизненность учения Толстого потерпели крах. Это ясно увидел и сам Толстой. Однако он не сделал из этого вывода о несостоятельности своего религиозно-нравственного учения. Отстаивая отвлеченные «истины» этого учения, он выдвинул и в течение многих лет защищал ложный принцип о необязательности изменения внешних условий жизни: дворец и изба — одинаково равны, дело лишь в том, как человек служит своему идеалу — богу.

В то же время Толстой не мог не замечать нежизненности своей теории, и в письмах, как и в дневниках, часто говорил о том, как трудно ему иногда следовать правилам «христианского учения». В письме к Н. Л. Озмидову Толстой откровенно признается, что он чувствует себя бессильным в столкновениях со своими идейными противниками. «Упрекаю себя за то, — пишет он, — что не умею — не убеждать, а побеждать людей той непобедимой силой, которая дана нам. Один ходишь, думаешь и как будто чувствуешь в себе зарождение этой силы; кажется, сойдусь с человеком и сейчас залью его, заполню этой непобедимой силой, зарождающейся во мне, а приступишь к делу, сойдешься с ним, и вместо несокрушимого меча, который, казалось, держишь в руках, оказывается гибкий, хрупкий росточек, который тут же, при первой схватке, и ломаешь, и бросишь, затопчаешь»².

В упорных исканиях смысла жизни и средств избавления человечества от социальной несправедливости Толстым руководило великое чувство любви к людям. Он глубоко верил в то, что «искренно ищущий истину» непременно встретит

---

¹ Т. 64, стр. 319—321.

² Там же, стр. 78.

на своем пути «людей из всех частей света, разных национальностей и вероучений»¹. Однако той истины, которая действительно может сблизить угнетенные народы всех стран в их борьбе против капиталистического строя, Толстой не нашел.

3

Большой интерес для изучения эволюции литературных взглядов Толстого и его творческих устремлений в восьмидесятые годы представляют письма, в которых он говорит о своей работе над художественными и публицистическими произведениями, высказывает суждения о творческом процессе и приемах совершенствования художественной формы литературных произведений, делает замечания о творчестве молодых, начинающих писателей.

Ряд писем, публикуемых в 64 томе, имеет прямое отношение к творческой истории романа «Воскресение». В письме от июня 1887 года к П. И. Бирюкову находится первое упоминание о сюжете «Коновского рассказа»: Толстой просит напомнить А. Ф. Кони о его обещании написать рассказ для «Посредника» и замечает, что ждал от этого рассказа «многого, потому что сюжет прекрасный»². Некоторое время спустя Толстой сам решил обработать этот сюжет и просил П. И. Бирюкова узнать у Кони, «начал ли он писать обещанный рассказ для Посредника, а если нет, то отдаст ли он... тему этого рассказа. Очень хороша и нужна»³. Наконец в письме, адресованном непосредственно А. Ф. Кони, Толстой сообщал: «Историю Онѣ и ее соблазителя я одно время хотел написать, т. е. воспользоваться этим сюжетом, и о разрешении этого просил узнать у вас. Но вы ничего не написали об этом»⁴. А. Ф. Кони, как известно, не только разрешил воспользоваться сюжетом, но и со своей стороны просил Толстого написать на эту тему рассказ. Тема «Коновской повести» глубоко заинтересовала Толстого. С точки зрения своих новых, определившихся в восьмидесятые годы, взглядов он намерен был решить в повести проблему

---

¹ Т. 63, стр. 431.

² Т. 64, стр. 56.

³ Там же, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 172.

нравственного «воскресения» дворянина, порвавшего с привычными взглядами своей среды. Вместе с тем история, рассказанная Кони, явилась сюжетным зерном большого социально-обличительного романа, о котором мечтал Толстой. 12 марта 1889 года он писал Г. А. Русанову: «Иногда хочется все-таки писать и, представьте себе, чаще всего именно роман, широкий, свободный, вроде «Анны Карениной», в который без напряжения входило бы всё, что кажется мне понятным мною с новой, необычной и полезной людям стороны»¹.

Некоторые письма связаны с историей печатания и постановки драмы «Власть тьмы». Так, например, в 1887 г. Толстой отвечает на письма А. Потехина, обращавшегося за советами о постановке «Власти тьмы» в Петербурге, на письмо актера П. М. Свободина, исполнявшего роль Акима. В письме Н. Н. Страхову Толстой выражает возмущение цензурной волокитой с печатным разрешением «Власти тьмы». В письмах П. И. Бирюкову, Н. Н. Страхову, Г. А. Русанову содержатся интересные свидетельства о работе над «Крейцеровой сонатой».

Во второй половине восьмидесятых годов в творческой биографии Толстого открывается новая страница его борьбы за дальнейшее развитие критического реализма в литературе. Толстой считает теперь, что цель художественного творчества — защита интересов народа, угнетенных масс трудящихся. Именно это требование и обусловило социально-обличительный пафос его произведений.

В эволюции идейных и эстетических взглядов Толстого в восьмидесятые годы большое место занимают вопросы народности искусства и литературы. Эти вопросы приобрели особую остроту в связи с новыми социально-политическими взглядами писателя.

Толстой с беспощадной резкостью отрицает образование для избранных, которое «содержит больше чем наполовину зла и обмана»², отрицает «господское искусство», чуждое и непонятное народу. У писателя возникают замыслы широкой просветительской деятельности среди народа, проекты «составления книг, излагающих основы наук... для самообучения самых даровитых и склонных к известному роду знаний людей из народа»³.

---

¹ Т. 64, стр. 235.

² Там же, стр. 147.

³ Т. 63, стр. 397.

В своих эстетических требованиях Толстой основное внимание обращает на удовлетворение и воспитание вкусов народа. «Искусство, если оно искусство, — утверждает Толстой, — должно быть доступно всем»¹. А. И. Эртелю он советует: «Попытайтесь написать рассказ, имея в виду только читателя из народа... Обращаться исключительно к народу очень поучительно и здорово»². Толстой как художник ориентируется сам и ориентирует других писателей не на читателя интеллигента или представителя высших классов, а на «грамотного крестьянина», то есть на народные массы. «Воображаемый читатель, для которого вы пишете, — обращается он к Ф. А. Желтову, — должен быть не литератор, редактор, чиновник, студент и т. п., а 50-летний хорошо грамотный крестьянин. Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой и что и вам советую. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно»³. Эти высказывания Толстого могли бы стать эпиграфом к лучшим его произведениям позднего периода, в которых с исключительной правдивостью изображена жизнь господствующих классов и угнетенного русского крестьянства.

Проблемы искусства, его содержания и общественного значения находят широкий отклик в письмах Толстого. Так, обращаясь к художнику Н. Н. Ге, он высказывает мысль о том, что писатель и художник должны не только уметь писать и знать «что писать», но «в одно и то же время читать или смотреть п самым строгим судом судить себя»⁴. «Признаками истинного таланта» он называет «правдивость и чувство меры»⁵.

Со всей резкостью восстает Толстой против натуралистического копирования действительности и требует от художника не только изображать, но и судить жизнь — с точки зрения «того, что должно быть». «Писателю-художнику, кроме внешнего таланта, надо две вещи, — пишет он П. И. Бирюкову: — первое — знать твердо, что должно быть, а второе — так верить в то, что должно быть, чтоб изображать то, что должно быть.

---

¹ Т. 25, стр. 360.

² Т. 63, стр. 284—285.

³ Т. 64, стр. 40—41.

⁴ Там же, стр. 45—46.

⁵ Там же, стр. 69.

так, как будто оно есть, как будто я живу среди него»¹. В этом глубоко по проникновению в сущность искусства определения есть, однако, и своя слабая сторона, обусловленная противоречиями социальных и этических взглядов Толстого. Утопические идеи религиозно-нравственного «учения» определяли в значительной степени положительную программу писателя, нашедшую наиболее полное выражение в таких его произведениях 80-х годов, как «народные рассказы». Изображение правды жизни подчинено в этих рассказах показу именно того, что, по мнению моралиста Толстого, «должно быть».

Большой интерес представляют письма, в которых содержатся высказывания Толстого о русских писателях: Герцене, Тургеневе, Салтыкове-Щедрине, Достоевском и других. Приглашая М. Е. Салтыкова-Щедрина принять участие в изданиях «Посредника», Толстой писал ему: «У вас есть все, что нужно — сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию — любовь и потому знание истинных интересов жизни народа»². Художнику Н. Н. Ге, Толстой писал о значении Герцена: «Всё последнее время читал и читаю Герцена... Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за последние 20 лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения. А то из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган»³.

Письма, напечатанные в 63 и 64 томах, представляют богатый материал, характеризующий Толстого как внимательного редактора и заботливого наставника молодых, начинающих писателей. Читая произведения молодых писателей, Толстой внимательно анализировал их. Так по поводу рассказа Ф. Ф. Тютенко «Грешница» он писал автору: «С первых же страниц я заметил в вашем рассказе достоинства: живого, образного описания событий и недостатки, почерпнутые вами из нашей господской и ничтожной литературы: 1) непоследовательность рассказа... и 2) ненужные эпитеты и украшения, и округления слога, которые только расхолаживают впечатление. Читая дальше, я заметил, что рассказ ведется с знанием быта и

---

¹ Т. 64, стр. 21.

² Т. 63, стр. 308.

³ Т. 64, стр. 151.

верным описанием и с чувством, но те же недостатки украшения слога, иностранных слов — «горизонт» и т. п. и, кроме того, недостаток полной естественности». Толстой советует Тищенко «иметь в виду не исключительную публику образованного класса, а всю огромную массу рабочих мужчин и женщин». Он предостерегает писателя от дурного влияния «господской отрицательной и байронической литературы»¹. В другом письме к Тищенко Толстой, отмечая успех его повести «Несчастные» (напечатана под заглавием «Семен сирота и его жена»), указывает на недостатки: «Жизни людей не видно, а видно, что автор рассказывает то, чего никогда не было; видно даже, что ему самому скучно заниматься этим пустым делом... Живите жизнью описываемых лиц, — советует Толстой молодому автору, — описывайте в образах их внутренние ощущения; и сами лица сделают то, что им нужно по их характерам сделать, то есть сама собою придумается, явится развязка, вытекающая из характера и положения лиц»².

Толстой настойчиво предостерегал начинающих писателей от стремления «сказать в одном рассказе все. Это всегдашний камень преткновения не имеющих привычки писать»³. Получив рукопись рассказа от студента М. М. Лисицына и прочитав ее, он откровенно отвечает: «Я не заметил и признака того, что называют неправильно талантом и что я называю самобытностью... Бросьте это занятие»⁴. Особенно внимательно следил Толстой за промахами в изображении внутреннего мира героев. «Получил вашу повесть и прочел, — писал он Ф. Ф. Тищенко по поводу его повести «Семен сирота и его жена». — ... Вот недостатки: всё растянуто, в особенности описание душевного состояния Семена после измены жены. Сцена перед зеркалом и длинна и искусственна. А между тем недостаточно ясны перевероты, происходящие в душе Семена: сначала злобы, потом отчаяния, потом успокоения и наконец решимость вернуть жену. Всё это надо бы, чтобы совершалось в событиях, а не только бы описывалось. У вас есть попытки приурочить эти перевероты к событиям, но не всегда удачно». И здесь же высказана мысль, относящаяся к работе самого Толстого над языком

---

¹ Т. 63, стр. 325—326.

² Там же, стр. 424.

³ Там же, стр. 436.

⁴ Т. 64, стр. 198.